

**Выездное заседание Бюро Отделения психологии и возрастной физиологии
Российской академии образования**

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (Выездное заседание Бюро Отделения психологии и возрастной физиологии Российской академии образования)

АНАНЬЕВА К. И., Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии МГППУ, Москва

БАРАБАНЩИКОВ В. А., Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии МГППУ, Москва

ДЕМИДОВ А. А., Центр экспериментальной психологии МГППУ, Москва

ХАРИТОНОВ А. Н., Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии МГППУ, Москва

16 марта 2011 года в Московском городском психолого-педагогическом университете на базе Центра экспериментальной психологии МГППУ состоялось выездное заседание Бюро Отделения психологии и возрастной физиологии Российской академии образования, посвященное состоянию и перспективам развития экспериментальной психологии в России. В работе отделения приняли участие 23 академика и члена-корреспондента РАО, сотрудники академических учреждений, вузов и научно-практических центров Москвы.

Первая часть работы выездного заседания была посвящена ознакомлению с научной, практической и организационной деятельностью Центра экспериментальной психологии МГППУ: основными направлениями исследований, инновационными технологиями, комплексным оснащением кабинетов Центра, принципами работы современного лабораторного оборудования, результатами научной деятельности, вопросами развития сотрудничества между российскими и зарубежными исследователями и др.

Центр экспериментальной психологии (ЦЭП) МГППУ создан в ходе реализации инновационного проекта «Образование» в 2009 году по инициативе ректора МГППУ академика РАО В. В. Рубцова. В нем проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования, разрабатываются методологические принципы исследовательской работы (и прежде всего методы лабораторного аппаратного эксперимента), а также осуществляется учебно-практическая деятельность. В состав Центра входят три подразделения: Лаборатория психофизики и познавательных процессов, Лаборатория психологии коммуникации в расширенной среде и Лаборатория психических состояний и природных основ психики. Основу работы Центра составляет *многоцелевой высокотехнологичный аппаратно-программный комплекс*, не имеющий аналогов в России, функционирование которого обеспечивает применение широкой линейки методов и технологий инструментального исследования, таких как окулография, полиграфия, тахистоскопия, регистрация электрической активности мозга, видеорегистрация, психофизические измерения и др. В частности, Центр располагает высокоскоростной стационарной системой регистрации и анализа глазодвигательной активности человека (SMI HiSpeed 1250) и мобильными системами окулографии (айтрекерами) нового поколения (SMI HED4, SMI TOPAZ). Для диагностики функциональных состояний применяются многоканальные устройства (полиграф Болеро, Шуффрид-2007, Nonin XPOD и др.). В Центре построена экранированная камера для проведения электрофизиологических исследований; используется комплект современного электроэнцефалографического

оборудования (104-канальный энцефалограф «Нейровизор БММ 40», шлем MScap, активные электроды actiCap) с программным обеспечением нового поколения.

Уникальная система видеорегистрации поведения людей в реальных условиях общения и деятельности включает стационарные цифровые видеокамеры (ExtCam), миниатюрные видеокамеры для установки на голове испытуемого (SubCam), сетевые видеокамеры (Axis offset) и др. Все компоненты системы рассчитаны на возможность одновременного использования, совместимы друг с другом и предполагают комплексный анализ данных.

Имеющееся оборудование позволяет проводить рабочие видеоконференции, а также моделировать их процесс. Благодаря интернету ЦЭП включается в единое медиaprостранство российских и зарубежных партнеров и получает оперативный доступ к необходимой информации. Во Всемирной сети Центр представлен хорошо структурированным сайтом, обладающим широкими функциональными возможностями.

При конструировании и организации аппаратно-программного комплекса использован (и продолжает учитываться) опыт работы ведущих зарубежных и отечественных центров, лабораторий и институтов, а также опыт участия сотрудников ЦЭП в ряде международных (гранты ЕС: «Cognitive technologies», «Ambiente Agoras» и др.) и национальных (гранты РФФИ, РГНФ, Минобрнауки и др.) проектов.

Работа Центра обеспечивается высококвалифицированными кадрами психологов, программистов и инженеров. Важнейшим условием функционирования ЦЭП МГППУ является *развитая инфраструктура*, в основе которой лежит грамотное инженерно-техническое обслуживание комплекса и многоуровневое информационно-технологическое сопровождение исследований. По существу деятельность Центра обеспечивается работой всех служб МГППУ. Наиболее тесные рабочие контакты ЦЭП поддерживает с факультетом информационных технологий МГППУ, сотрудники и студенты которого включены не только в учебные, но и в совместные исследовательские программы.

Экспериментальные исследования Центра направлены на:

- 1) выявление психологических механизмов восприятия комплексных объектов и событий;
- 2) анализ закономерностей активности мозга и становления окулomotorных структур при решении когнитивных задач;
- 3) реконструкцию способов использования людьми современных информационных и коммуникационных технологий.

В ходе исследований получены новые данные, раскрывающие природу познавательных процессов в условиях деятельности и общения. В частности, результаты проводимых исследований позволили описать характеристики и особенности перцептогенеза комплексных объектов в различных условиях восприятия, раскрыть закономерности зрительно-окулomotorных координаций при восприятии комплексных объектов, проследить становление окулomotorных структур в процессе формирования навыка чтения, выявить особенности восприятия и общения людей в «расширенных средах», определить стратегии познавательных процессов в ситуации референтного общения, описать изостатические паттерны движений глаз при восприятии лица человека, установить зависимость оценок индивидуально-психологических особенностей человека от модальности экспрессий его лица.

На базе ЦЭП разработан аппаратурный практикум по экспериментальной психологии нового поколения. В отличие от своих прототипов он опирается на использование современных технических (аппаратурных) средств исследования, программного обеспече-

ния, математических методов анализа и обработки данных. Практикум знакомит студентов с научно-исследовательскими разработками по актуальным проблемам общей психологии, формирует навыки эксплуатации новейшего оборудования, демонстрирует возможности прогрессивных форм телекоммуникации в образовательном и научном пространстве (организация и проведение научных и учебных исследований, телеконференций, дистанционного – через интернет – обучения и др.).

Распространению и развитию экспериментального метода в российской науке содействует издание журнала «Экспериментальная психология» (учредитель – МГППУ, гл. ред. – член-корреспондент РАО В. А. Барабанщиков), который предоставляет широкому кругу читателей информацию о новых технологиях, инструментах и результатах экспериментальных исследований, отражает тенденции и условия развития экспериментальных исследований в общей, дифференциальной и прикладной психологии, консолидирует специалистов, использующих экспериментальный метод исследования. Журнал основан в 2008 году, выходит ежеквартально и имеет электронную версию; с 2010 года включен в список изданий, рекомендуемых ВАК соискателям ученых степеней по психологии.

С целью *развития и дальнейшей координации экспериментальных исследований*, проводимых в РФ, сотрудники ЦЭП подготовили и опубликовали коллективную научную монографию «Экспериментальная психология в России» (М., 2010; отв. ред. В. А. Барабанщиков). Книга содержит около 200 статей, посвященных различным аспектам психологического эксперимента, его процедуре и процессам. По своему содержанию и составу авторов сборник представляет собой наиболее крупный отечественный труд по экспериментальной психологии, продолжением которого станет готовящийся к изданию следующий выпуск – «Современная экспериментальная психология» (М., 2011; отв. ред. В. А. Барабанщиков).

психологии Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор **В. А. Барабанщиков**.

Докладчик охарактеризовал психологический эксперимент как изучение психических явлений в специально создаваемых, контролируемых и управляемых условиях.

В отличие от наблюдения эксперимент позволяет: 1) наиболее полно объ-

Рабочая часть заседания была проведена под председательством академика-секретаря Отделения академика РАО **А. А. Деркача**.

С основным докладом выступил директор Центра экспериментальной психологии МГППУ, член-корреспондент РАО, заведующий Лабораторией познавательных процессов и математической

ективировать психологическое содержание изучаемого явления; 2) управлять им в соответствии с задачами исследования; 3) вскрыть цепочку причинно-следственных связей и 4) получить надежные и достоверные знания.

С точки зрения эпистемологии эксперимент – это не просто один из возможных способов исследования, используемый психологами наряду с другими методами – тестированием, опросом, анализом продуктов деятельности и т. п.: в данном случае речь идет о *системообразующем элементе логики научного познания* как такового, согласно которому проникновение в сущность вещи опосредовано ее преобразованием («расформированием») либо воссозданием («формированием»). В своих конкретных формах психологический эксперимент не претендует на универсальность и имеет ряд ограничений (аналитическая направленность, искусственность лабораторных условий, взаимовлияние экспериментатора и испытуемого), преодоление которых служит одним из стимулов развития объективного метода исследования в целом.

Экспериментальная психология аккумулирует эмпирические знания о психике, раскрывая ее *закономерности, свойства и механизмы*. На основе этих знаний выстраиваются представления о восприятии, памяти, внимании, мышлении, своеобразии внутреннего мира человека в целом. Вне экспериментально-психологических исследований решение фундаментальных проблем психологической науки, таких как сознание, деятельность, личность, общение, остается принципиально неполным.

Современная экспериментальная психология не ограничена академическими рамками. Решая задачи, которые ставят жизнь, общество, она превращается в область профессиональной *практической деятельности*. Экспериментальные методы, первоначально выступавшие в качестве средств верификации теоретических гипотез, становятся основой процедур экспертизы, диагностики и коррекции. К сферам приложения экспериментально-психологического знания относятся: инженерно-психологическое проектирование, экспертиза средств деятельности, оптимизация функционирования сложных социотехнических систем, психологическая оценка рабочих мест и качества продукции, обучение специалистов и др.

Экспериментальные исследования изначально носят *комплексный междисциплинарный характер*. Решение психологических проблем обеспечивается знаниями, полученными в физиологии, физике, информатике, электронике, которые в конечном счете замыкаются на организации конкретной экспериментальной ситуации, способах регистрации состояний и оценке поведения людей. Через эксперимент в психологию проникают инновационные технологии, процедуры измерения, новые представления о природе объективной действительности.

Логика развития науки показывает, что эксперимент относится к числу *ключевых средств познания природы психики и поведения*. На его основе конституируется как общая психология, так и специальные отрасли науки: психофизиология, инженерная психология, клиническая психология и т. д. От уровня экспериментальных исследований зависит уровень развития психологической науки в целом и ее роль в жизни общества. Благодаря экспериментальному методу 130 лет назад психология выделилась в самостоятельную дисциплину, а позднее вошла в число фундаментальных наук.

В своем докладе профессор В. А. Барабанщиков обратил особое внимание на то, что траектория развития экспериментальной психологии носит противоречивый, нередко запутанный характер. Энтузиазм исследователей неоднократно сменяется разочарованием, а

абсолютное доверие к эмпирическим данным – сомнением в их познавательной и особенно практической ценности. Важные шаги в развитии экспериментального метода сделаны эмпирической психологией сознания, гештальтпсихологией, динамической психологией, исследованиями поведения, в последние десятилетия – когнитивной психологией. На сегодняшний день эксперимент имеет многообразные формы и применяется в большинстве областей психологической науки. Уровень экспериментальных (лабораторных) исследований является показателем *фундаментальности науки* и одновременно ее *практического потенциала*: на основе лабораторных методик создаются исследовательские и диагностические методики в прикладных областях психологии.

Согласно зарубежным данным (ScienceDirect, 539 англоязычных журналов по психологии), количество публикаций, относящихся к экспериментальным исследованиям, в мире постоянно растет. За 30 лет – с 1980 по 2010 год – число подобных работ увеличилось почти в 2,5 раза, причем в последние годы рост идет по экспоненте: по сравнению с 2007 годом прирост публикаций в 2010 году составил 36 %. 44 % всех исследований по экспериментальной и когнитивной психологии выполняется в США и Канаде, 42 % – в развитых странах Евросоюза (SCImago, 1996–2009 гг.).

Основу современных экспериментально-психологических исследований составляют *информационные и телекоммуникационные технологии*. Показателем прогресса является использование мощных компьютеров и оригинального программного обеспечения. Развитые базы данных существенно расширяют потенциал и перспективу исследований. Благодаря Всемирной паутине открываются возможности транспортировки экспериментальных данных, их обработки и анализа в тех научных центрах, где существуют наиболее подходящие условия и технологии. Исследования выходят за рамки отдельных научных лабораторий и организаций и все чаще принимают интернациональный характер.

Постоянно совершенствуются *периферийные технические устройства* и прежде всего те из них, что формируют (с заданными параметрами) информационную среду человека (различного рода дисплеи, информационные панели, гибкие экраны, синтезаторы звуков, акустические системы, игольчатые матрицы, виртуальные комнаты и мн. др.). Благодаря развитию компьютерной графики появилась возможность конструирования практически любого визуального стимульного материала. Использование цифровых форматов записи и воспроизведения звука позволяет оперативно создавать требуемые оттенки акустических сред, так или иначе обуславливающих активность человека. Улучшение функциональных характеристик диагностического и исследовательского оборудования, предназначенного для регистрации состояний испытуемого и систем его организма (электроэнцефалография, магнитоэнцефалография, окулография и др.), позволяет вывести эксперимент на качественно новый уровень. Наконец, прогресс экспериментальной психологии связан с наличием современных устройств регистрации деятельности и общения людей, начиная с кнопочных пультов и джойстиков и заканчивая камерами видеонаблюдения и средствами аудиозаписи.

Совершенствование вычислительной техники подтолкнуло развитие *процедур измерения и обработки данных*. Получили распространение методы многомерного шкалирования, кластерного анализа, использование «мягких вычислений», анализ латентных структур. Открылась возможность применения новой стратегии научного исследования, ориентированной на выявление многокачественности и динамизма психических явлений.

Результатом технологического переоснащения стала *реорганизация всей инструментальной базы психологии*.

Безусловно, не каждый психологический эксперимент требует современного оборудования и «высоких технологий». Более того, глубинные основания методических проблем психологии лежат не столько в технической или вычислительной, сколько в предметно-содержательной плоскости исследований. Эффективный инструментарий существенно расширяет горизонт выполняемых исследований и обеспечивает готовность использования экспериментального метода в решении практических задач.

В. А. Барабанщиков подчеркнул, что экспериментальная психология имеет глубокие *российские корни* прежде всего благодаря исследованиям школ выдающихся физиологов И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, И. П. Павлова, А. А. Ухтомского и других, реализовавших рефлексорный подход в изучении механизмов психики и поведения. Другая линия экспериментальных исследований представлена сторонниками психологии сознания (Н. Н. Ланге, Г. И. Челпановым, В. Ф. Чижом, А. П. Нечаевым, А. Ф. Лазурским и др.), усилиями которых были открыты лаборатории в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Дерпте и других городах России. Благодаря незаурядным организаторским способностям Г. И. Челпанова в 1912 году при Московском университете начал работать Психологический институт, который на многие годы стал флагманом российской экспериментальной психологии.

В советский период экспериментальный метод активно применяется при изучении реакций человека на воздействия среды, а позднее – в исследованиях сознания и деятельности. Выдающиеся деятели отечественной науки – Б. Г. Ананьев, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, А. В. Запорожец, С. В. Кравков, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. С. Мерлин, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, П. А. Шеварев – не только ратовали за развитие экспериментального подхода, но и лично участвовали в разработке экспериментальных методик и проведении конкретных исследований.

Качественный скачок в развитии лабораторного эксперимента происходит в 60–70-е годы прошлого столетия в связи с научно-технической революцией и бурным развитием инженерной психологии. Решение проблем согласования деятельности человека и сложной техники, требующее включения в исследовательский процесс инженеров и математиков, привело к техническому перевооружению самой психологии. Появилась возможность использования электронных средств предъявления информации испытуемому, эффективной регистрации его состояний и действий, применения ЭВМ для контроля переменных и обработки данных (К. В. Бардин, А. А. Бодалев, А. И. Бойко, Н. Ю. Вергилес, Ю. Б. Гиппенрейтер, В. П. Зинченко, О. А. Конопкин, Б. Ф. Ломов, В. Д. Небылицын, Д. А. Ошанин, В. А. Пономаренко, В. Н. Пушкин, Е. Н. Соколов, О. К. Тихомиров, Т. Н. Ушакова, Н. И. Чуприкова, В. Д. Шадриков и мн. др.). По общему признанию, до начала 80-х годов уровень исследований, проводимых в СССР, был сопоставим с аналогичными исследованиями в развитых странах Европы и США.

Докладчик с сожалением констатировал, что в последние десятилетия объем и относительный уровень экспериментальных исследований в России снизились. На фоне общего развития методической деятельности доля лабораторного эксперимента зримо сократилась. В данном пункте отставание отечественной науки от европейской и американской особенно ощутимо.

Описанная ситуация, с точки зрения В. А. Барабанщикова, обусловлена, по крайней мере, двумя основными причинами: во-первых, остаточным принципом финансирования науки, существенно ограничивающим доступ к современному оборудованию и технологи-

ям; во-вторых, падением интереса к лабораторному эксперименту в самом психологическом сообществе и недооценкой его значения.

Негативные тенденции наглядно проявляются на стадии подготовки профессиональных психологов. Так, число вузов, включающих в учебные программы аппаратный практикум по психологии, можно пересчитать по пальцам, но даже в них техническое оснащение учебных лабораторий и предлагаемые методики с трудом можно отнести к числу современных. В результате выпускники психологических факультетов не имеют ни мотивации, ни навыков серьезной экспериментальной работы и не всегда понимают смысл фундаментальных исследований.

Также с сожалением докладчик отметил наличие лишь небольшого количества аппаратных исследований, выполняемых соискателями ученых степеней. Редки монографии, посвященные конкретным экспериментально-психологическим исследованиям. Представление экспериментальных работ российских участников на международных форумах, включая конгрессы Международного союза психологической науки (IUPsyS), стало скорее исключением, чем правилом. Задача выхода отечественной науки на международный уровень, может быть, и ставится, но не решается. Опыт европейских и американских исследователей показывает, что в условиях «академического капитализма», когда наука принимает форму коммерческого предприятия, именно эксперимент позволяет быстро и непосредственно включиться в международное научное пространство и занять в нем достойное место.

Инновационный путь развития страны предполагает радикальное изменение отношения к лабораторному эксперименту в отечественной науке. Призывы к модернизации в рамках психологии означают прежде всего реорганизацию ее исследовательской базы на основе активного использования новейшей аппаратуры, оригинальных инженерных и программных решений, эффективного вычислительного сопровождения научных исследований и нестандартного математического моделирования. На этом пути открывается возможность существенно повысить конкурентоспособность отечественной науки, вести профессиональную подготовку психологов по стандартам развитых стран, эффективнее транслировать опыт современной исследовательской работы в региональные научные и образовательные центры.

Технологическое переоснащение российской психологии происходит и сегодня, но темп этого процесса явно недостаточен.

В этой связи В. А. Барабанщиков обратил внимание участников заседания на опыт Московского городского психолого-педагогического университета, открывшего современный центр, предназначенный для проведения экспериментальных исследований и учебно-методической работы со студентами, аспирантами и стажерами.

В последние три-четыре года проявились признаки возрождения интереса психологов к экспериментальному методу. В стране прошли локальные конференции по психофизике, математической психологии, когнитивной психологии, современным методам психологического исследования, а также ряд тематических симпозиумов и семинаров (в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Томске, Ростове-на-Дону, Ярославле, Смоленске и других городах), так или иначе касающиеся проблем психологического эксперимента. В ноябре 2010 года в Москве состоялась Всероссийская научная конференция, специально посвященная эксперименту в психологии: «Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы» (организаторы: Институт психологии РАН,

Московский городской психолого-педагогический университет и Психологический институт РАО; председатель оргкомитета – чл.-корр. РАО В. А. Барабанщиков; сопредседатели программного комитета – чл.-корр. РАН и РАО А. Л. Журавлев и акад. РАО В. В. Рубцов). В работе конференции приняли участие свыше 360 специалистов из 26 городов РФ, а также шести стран Ближнего (Белоруссия, Украина, Армения) и Дальнего (США, Германия, Чехия) зарубежья. По содержанию и составу участников это самый масштабный и представительный форум из числа тех, которые когда-либо проходили в стране по сходной тематике.

Опыт работы ЦЭП МГППУ, а также анализ общей ситуации в науке показывают, что в России существует неплохой потенциал развития экспериментальной психологии, который, однако, нуждается в серьезной поддержке.

В. А. Барабанщиков выделил несколько направлений развития экспериментальной психологии, требующих безотлагательных действий:

- *продуманная модернизация, значительное расширение материально-технической базы* российской психологии и *повышение ее качества*;

- развитие аппаратурно-процессового оснащения, *информационное обеспечение и разработка инновационных методов* экспериментального исследования, происходящих одновременно с созданием *разветвленной инфраструктуры*, обеспечивающей их появление и развитие, а также *внедрение новейших технологий* в практику подготовки и переподготовки профессиональных психологов;

- *создание сети* исследовательских и образовательных центров экспериментальной психологии в высшей школе, связанных как с академической наукой (прежде всего РАН и РАО), так и с производственными организациями (особенно в промышленности, на транспорте, в передовых отраслях экономики);

- *налаживание внутриотраслевой кооперации* – продуктивное использование аппаратурной и методической специализации лабораторий (центров); формирование базы данных широкого доступа, создание возможности обмена промежуточными результатами исследований и др.;

- *подготовка психологов*, владеющих современной техникой, программированием, новейшими методами обработки данных и моделирования психических явлений;

- *активное привлечение* в психологию *специалистов* из смежных областей науки и техники, а также *глубокое освоение зарубежного опыта*;

- организация процессов *стихийной консолидации экспериментаторов и структурирование интеллектуальной среды*, содействующее развитию экспериментально-психологического метода.

Подводя итог своему выступлению, В. А. Барабанщиков отметил, что на сегодняшний день развитие экспериментально-психологических исследований в России, особенно аппаратурного эксперимента, выступает в качестве приоритетной стратегической задачи. От эффективности ее решения зависят будущее отечественной науки и ее вклад в совершенствование российского общества¹.

Вопросы, заданные докладчику, и последующее обсуждение свидетельствуют об интересе участников заседания к актуальной теме развития экспериментальной психологии.

¹См. также: Барабанщиков В. А. Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 4–16.

Академик РАО Е. А. Климов:

– Вы, Владимир Александрович, ратуете за развитие лабораторного эксперимента, а в истории российской психологии возникло понятие «естественный эксперимент». Какое место в будущем вы отводите решению вопросов развития естественного эксперимента?

В. А. Барабанщиков:

– Любая методическая база имеет основу, в качестве которой в психологии

выступает лабораторный эксперимент. Развитие лабораторного эксперимента неминуемо приводит к совершенствованию естественного эксперимента. Этому содействует требование экологической и социальной валидности современного исследования. Вместе с тем, развитие естественного эксперимента требует самостоятельных усилий, использования наряду с современным оборудованием и технологиями оригинальных планов исследования, математического аппарата и др.

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор **М. С. Егорова:**

– Владимир Александрович, какое вы делаете различие между экспериментальной психологией как областью психологии и экспериментальным методом в психологии? Если, например, эксперимент проведен в социальной психологии или психологии развития – это уже экспериментальная психология?

В. А. Барабанщиков:

– Безусловно. Главным критерием выделения отрасли экспериментальной психологии является использование экспериментального метода. Об этом писал в свое время Г. И. Челпанов, и эта позиция в отечественной психологии не менялась.

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор **А. А. Реан:**

– В качестве одной из причин замедления темпов развития экспериментальной психологии вы назвали падение интереса к экспериментальному методу у самих психологов. Но это же достаточно внешняя констатация факта. Чем вызвано, с вашей точки зрения, снижение заинтересованности? Может быть, есть какие-то проблемы внутри самого метода?

В. А. Барабанщиков:

– Существуют и внешние, и внутренние причины. Внешние причины – преимущественно эко-

номические: как работать, если нет оборудования, на котором эти исследования можно проводить? Внутренние причины связаны с образованием нового ядра, средоточия проблем российской психологии. За последние 20–30 лет изменился «mainstream», – главной тематикой российской психологии стала проблема личности и ее отношений с миром. В этом контексте обращение к специализированному оборудованию и информационным технологиям не является первой необходимостью. Важны другие методы, которые разрабатываются, причем весьма эффективно, и с вашей помощью в том числе. Я не противопоставляю эксперимент, в частности лабораторный, другим методам; не противопоставляю количественные исследования качественным. То, что последние активно развиваются, – большая заслуга людей, работающих над проблемой личности.

Академик РАО, доктор медицинских наук, профессор
В. А. Пономаренко:

– Имеющийся у меня экспериментальный опыт, непосредственно связанный с запросами реальной жизни и деятельности и основанный на использовании сложной техники, привел меня к определенному пессимизму, и я сейчас хочу коснуться тех вопросов, которых вы не затронули в своем докладе. Например, у нас в стране происходит много лет-

ных происшествий. На самолетах стоят так называемые «черные ящики» с системой объективной регистрации приблизительно 70-ти разных параметров относительно хода полета и технического состояния самолета. Собирается комиссия, шесть месяцев ее члены «ругаются» и по каждому параметру, казалось бы объективному, выражают свои мнения. Фактически заключение дается субъективно. Поскольку вы сейчас говорили о достигнутых технологических вершинах в области оснащения эксперимента, у меня возникает следующий вопрос: как будет включен «элемент страховки» при интерпретации? Предусматривается ли какой-то набор программ или обучение в этом направлении специалистов, экспертное заключение которых будет иметь объективный характер? Думаете ли вы об этом?

В. А. Барabanщиков:

– Да, Владимир Александрович, думаем. Эта проблема непосредственно затрагивает возможности применения эксперимента как в лабораторных условиях, так и на практике. Вот простой пример из области регистрации движений глаз. Дифференцировать с помощью современной аппаратуры ускоренный дрейф и небольшие по амплитуде саккады крайне трудно. Оказывается, что «зашитое» производителем программное обеспечение само создает «шумы» и тем самым ограничивает возможности исследования. Таких примеров очень много. Мы пытаемся преодолевать такого рода трудности путем создания собственного программного обеспечения, обращения к экспертным суждениям и опыту исследователей. Перед нами действительно сложнейшая проблема, которую надо решать всем вместе.

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор **С. Б. Малых:**

– Поскольку речь идет о перспективах развития экспериментальной психологии, вы в своем докладе сделали акцент на организационных перспективах, а как вы видите содержательные перспективы развития? Где «точки роста» экспериментальной психологии? Центр экспериментальной психологии существует уже два года:

где, с вашей точки зрения, находятся интересные «точки прорыва»?

В. А. Барабанщиков:

– О некоторых содержательных «точках» нашего интереса я уже сегодня говорил: это изучение восприятия комплексных объектов и событий, особенно выражений лица, механизмов зрительного и акустического внимания, вопросов организации окулomotorных структур, зрительно-моторных координаций, в том числе на примере формирования навыков чтения; исследование деятельности и общения людей в «расширенных» средах, стратегий познавательных процессов в ситуациях референтного и викарного общения и др. Согласно зарубежным источникам, свыше половины всех экспериментальных исследований проводятся сегодня в социальной психологии. Можно говорить о заметных «точках прорыва» в когнитивной психологии, а также в психофизиологии.

Доктор психологических наук, профессор **В. И. Морсанова:**

– Мы все понимаем ваше увлечение экспериментальным методом и очень вас в этом поддерживаем, но давайте все-таки вернемся к методологии эксперимента и напомним, что каждый метод имеет свою область применения. Как ведущий специалист в области экспериментальной психологии, создавший такой мощный Центр, скажите, каковы, с вашей точки зрения, ограничения экспериментального метода? Существует ли такой класс задач, которые, с вашей точки зрения, нельзя решить с помощью экспериментального метода? Мы внимательно слушали ваш доклад, и сложилось впечатление, что раньше было много экспериментов, а сейчас мы стали беднее, экспериментов проводится меньше. Но, с моей точки зрения, что-то изменилось и в понимании предмета психологии, появились новые уровни понимания психики человека и представления о нем самом, которые ввели ограничения на экспериментальный метод исследования.

В. А. Барабанщиков:

– Безусловно, существует много проблем, которые невозможно решить в рамках эксперимента. Экспериментальный метод имеет ряд существенных ограничений: аналитическая направленность, искусственность условий, влияние экспериментатора и др. Глубинные

основания методических проблем экспериментальной психологии лежат в природе человека, способного к саморегуляции и саморазвитию, и обусловлены системной организацией и развитием психических функций и особенностей человека. Поэтому появились экспериментальные методы, качественный анализ, дебрифинг, тестирование, клиническая беседа и т.д. На мировом уровне изменения представлений о предмете и методах психологии (кстати сказать, довольно частые) непосредственно на объемы экспериментальной работы не влияют. За последние четыре года массив экспериментальных исследований на Западе растет по экспоненте, а в отношении обсуждения предмета, методов психологического познания природы человека можно говорить о тех же тенденциях, что и в отечественной психологической науке.

Начавшееся в ходе ответов на вопросы обсуждение темы продолжил заведующий Лабораторией психических состояний и природных основ психики ЦЭП и Лабораторией психофизиологии им. В.Б. Швыркова Института психологии РАН доктор психологических наук, профессор **Ю. И. Александров**, который рассказал о реализуемых в Центре исследованиях в рамках программы «Системный анализ научения», имеющих практический выход на основную проблему обучения – поиск эффективных способов формирования опыта.

– Одна из подпрограмм этой общей и уже много лет разрабатываемой программы – исследование зависимости когнитивных механизмов поведения от истории его формирования – опирается на большой массив фактов, накопленных как в отечественных исследованиях, так и в совместных работах с зарубежными коллегами. Основой этой подпрограммы является теоретическое представление, согласно которому (в очень краткой форме) реализация поведения есть реализация истории его формирования, причем как индивидуальной, так и филогенетической, и культурной.

Двумя разделами этой подпрограммы являются: макроистория – от раннего онтогенеза до старости, и микроистория – внутри отрезка индивидуального развития. Микроистория изучается на целом ряде моделей – от молекулярных и клеточных основ до индивидуального и совместного обучения людей в разных культурах. Последняя модель, помимо прочего, включает приобретение разного опыта при разном числе этапов его формирования.

В экспериментах на животных было показано, что если животное обучается одному и тому же инструментальному поведению через разное количество этапов, то в результате мы получаем одно и то же (для внешнего наблюдателя) поведение, которое, однако, реализуется через совершенно разные мозговые механизмы. Это выражается в задействованности разного количества нейронов: животные делают одно и то же, но мозг у них работает по-разному – в зависимости от истории обучения. Данный феномен выявляется не только на нейронном уровне, но и на генетическом, поскольку при изучении экспрессии генов стало ясно, что животные учатся по-разному. Если их обучают одноэтапно и многоэтапно, у них формируются разные уровни экспрессии генов в мозге в зависимости от характера предшествующего опыта. Все это – фундаментальные знания. И сейчас интересно прояснить про-

блему, которая имеет большое значение для образования. Какова скорость обучения в этих разных ситуациях? Какова прочность памяти при обучении в разных ситуациях? И какова пластичность памяти в этих ситуациях? Иными словами, что память позволит делать с собой в дальнейшем в зависимости от того, как ее сформировали?

Такого рода исследования с участием человека проводятся в ситуациях виртуальных – в решении так называемых транспортных проблем («вождение» автомобиля на программируемом симуляторе дорожных ситуаций). В этой ситуации обучение происходит одноэтапно, при моделировании положительной и отрицательной эмоциональной ситуации. Было показано, что один и тот же перцептивный акт в различных эмоционально окрашенных ситуациях осуществляется достоверно по-разному; что алгоритмы обучения зависят от того, в какой эмоциональной ситуации это обучение осуществляется. Сейчас испытуемые проходят поэтапное обучение с обязательной регистрацией и анализом ЭЭГ, оценкой эффективности обучения, а затем происходит проверка прочности запоминания путем повторного тестирования, а также модифицируемость памяти при добавлении нового поведенческого акта.

В заключение Ю. И. Александров выразил надежду, что закономерности, выявляемые в ходе проводимых в ЦЭП работ, будут успешно использованы при организации профессионального и общего образования.

Декан факультета информационных технологий МГППУ доктор технических наук, профессор **Л. С. Куравский** рассказал о научно-образовательной деятельности, реализуемой на экспериментальной базе и совместно с Центром экспериментальной психологии.

– Данная работа проводится с момента открытия Центра и включает три направления. 1-е – учебное: практикум по экспериментальной психологии; 2-е – научно-практическое: студенты принимают активное участие в научной работе, под-

разумевающее выполнение курсовых и дипломных проектов под совместным руководством сотрудников ЦЭП и факультета (при этом сотрудники Центра обеспечивают постановку задачи и проведение исследований, а сотрудники факультета – моделирование и обработку данных на современном уровне); 3-е – деятельность прикладного характера: сотрудниками факультета при участии студентов разрабатывается информационная система для автоматизации исследований и других процессов в ЦЭП. Среди текущих проектов – исследование восприятия человеком сложных объектов на основе анализа траекторий движений глаз, исследование особенностей восприятия стереоизображений, исследование влияния акустических сигналов на глазодвигательную активность, исследование влияния акустических сигналов на поведение лабораторных животных.

Дипломные работы, выполненные студентами в этих направлениях, по наблюдению Л. С. Куравского, «произвели неизгладимое впечатление на членов Государственной экзаменационной комиссии», которая в основном состоит из профессоров физического и механико-математического факультетов МГУ.

Выступающий особо подчеркнул, что при проведении этих работ используется не только самое современное и сложное оборудование Центра, но и современное программное обеспечение, которым располагают далеко не все зарубежные коллеги. В частности, ряд проектов реализуется на базе среды графического программирования LabView, которая используется для моделирования и анализа данных, а также для создания программно-аппаратных комплексов, что само по себе является нетривиальной и весьма сложной технической задачей. Такие комплексы успешно используются для выполнения совместных исследовательских проектов.

Далее **Л. С. Куравский** кратко охарактеризовал принципы построения и функции информационной системы, создаваемой в настоящее время для автоматизации научных исследований, хранения и обработки результатов экспериментов, которая обеспечивает, в частности, и эффективное взаимодействие участников исследований, и планирование различных мероприятий и многое другое.

– В работе по этим проектам на сегодняшний день приняли участие около 20 студентов. В связи с разработкой учебных стандартов третьего поколения в факультетских планах существенно расширено участие студентов в работах Центра экспериментальной психологии. Кроме того, в учебных планах предусмотрен аппаратный практикум, что позволяет надеяться на еще более тесное и перспективное дальнейшее сотрудничество.

Академик РАО, доктор биологических наук, профессор **Д. А. Фарбер:**

– Совершенно справедливо, что наша наука развивается на современном этапе иначе, нежели зарубежная, в которой очень большое место занимает когнитивная психология. Она основывается на эксперименте, что, безусловно, отражается и в современной психофизиологии как науке о мозговой организации психических функций. У нас такое направление в пси-

хологии попросту игнорируется. И когда следишь за литературой по психофизиологии, обращаешь внимание на то, что большая часть исследований выполнена не физиологами, не психофизиологами, а психологами и нейропсихологами. Почему-то именно этого у нас нет. И вот тут мне кажется, что Владимир Александрович сказал очень важную вещь: дело не только в том, что у нас меньше аппаратуры (128-канальный энцефалограф – это, конечно, хорошо, но мы работали в свое время и на 30-, и на 20-канальных машинах и «выкручивались»), а дело в образовании. К сожалению, наши психологические факультеты не дают студентам четкого представления о современном состоянии психофизиологии и когнитивной психологии. Между тем, нисколько не умаляя важность социальной, личностной проблематики, я хочу сказать, что без когнитивной психологии не может развиваться психология как наука. Она вообще начала развиваться так интенсивно потому, что сейчас появились инструментальные методы, которые дают возможность в эксперименте изучать такие важнейшие функции, как восприятие, память, внимание и т. д. Включение в программу работы Отделения такого доклада имеет немаловажное значение. И мне кажется, что необходимо обратить внимание на затронутые в нем вопросы. К сожалению, наш такой большой факультет психологии МГУ, многие сотрудники которого являются членами Отделения, на

данном заседании представлен лишь Егоровой М. С. и Донцовым А. И., что очень обидно, потому что обсуждаемые здесь вопросы образования и обучения имеют непреходящее значение, на них необходимо заострять внимание, их необходимо обсуждать, и не в последнюю очередь с членами Академии, которые работают в МГУ. Потому что с академическим образованием дело сейчас обстоит довольно скверно и вряд ли может сравниться с уровнем образования за рубежом.

Я также хотела бы еще раз обсудить затронутый Владимиром Александровичем Пономаренко важный вопрос. Итак, получить объективные факты можно, остается открытым вопрос их трактовки, которая в немалой степени зависит от мнения и подхода исследователя. Однако результаты и выводы многочисленных исследований, опубликованных в научной литературе, свидетельствуют о том, что полученным данным можно найти адекватное объяснение. Могу привести в пример опыт нашего научного сообщества, в частности, работу Регины Ильиничны Мачинской, которая вместе с сотрудниками Института проблем передачи информации в свое время разработала метод объективной оценки электроэнцефалограммы, суть которого заключалась в получении на первом этапе экспертных оценок специалистов, имеющих большой опыт работы в данной области, и создании на основании этих оценок компьютерной программы, позволяющей проанализировать такую важную информацию по электроэнцефалограмме, как, например, степень зрелости различных структур мозга. Очевидным является то обстоятельство, что сделать выводы, составить заключение без объективной трактовки данных практически невозможно, хотя нам приходилось встречаться с довольно нелепыми описаниями электроэнцефалограмм, а также с некорректно составленными заключениями. Поэтому хочется еще раз обратить особое внимание на необходимость разработки экспертных методов. И еще раз хочу выразить радость и восхищение по поводу уровня организации научно-практической, исследовательской и учебной работы в МГППУ и в ЦЭП, в частности. Здесь, конечно, нужно выразить благодарность профессору В. В. Рубцову за превосходное техническое оснащение Центра, качество работы которого обеспечивается высокопрофессиональными специалистами. В заключение хочу отметить перспективность направления «Университет–Наука», а также необходимость развития научно-сотрудничества.

Академик РАО В. А. Пономаренко:

– Я хочу очень поддержать не только доклад Владимира Александровича, но и его энтузиазм и целеустремленность. Центр, безусловно, попал в нужные руки, а организация работы Центра является несомненным выражением таланта, интеллектуальных и организационных способностей его руководителя. Однако хочу высказать соображения о необходимости приглашения к сотрудничеству более

старших и опытных исследователей. Единственная претензия к докладу – докладчик не упомянул Бориса Федоровича Ломова, который организовал в 70-х годах экспериментальные базы на заводах, фабриках, в армии и т. д. и труд которого позволил поднять нашу ин-

женерную психологию на высочайший уровень. Мы догнали американцев и в 1985 году даже перегнали в области разработки летательных аппаратов нового типа, и здесь вклад Бориса Федоровича Ломова совершенно неоценим. Теперь по поводу сегодняшнего события. Давайте возьмем, например, такой процесс, как распределение внимания, изучением которого занимались и Н. Ю. Вергилес, и другие сотрудники Ломова. При создании новой авиатехники актуальным стал вопрос о распределении внимания летчиков. Нам повезло: мы приобрели японский прибор для регистрации движений глаз и произвели регистрацию движений глаз летчиков во время полета. Было обнаружено большое количество интересных данных, которые позволили изменить информационные потоки, поступающие к летчикам, изменить практически всю приборную доску. Новая организация информации на приборной панели повысила конкурентоспособность наших самолетов. Вот что значит получение объективных данных. Далее, мы начали использовать электроэнцефалографию. Несмотря на недостаточное количество специалистов в этой области, нам удалось обнаружить так называемые феномены медленных волн, когда человек теряет сознание. Использование этого критерия позволило регламентировать гипоксию, перегрузки, поставить специальную аппаратуру, способствующую снижению или устранению такого рода вредных условий труда летчиков, и т. д. В этом смысле ЭЭГ спасла тысячи жизней людей. В своих исследованиях мы также применяли электромиографию, электроокулографию, измеряли координацию движений и т. д. Нашему успеху способствовал тот факт, что исследования, проводимые на качественном для того периода времени диагностическом и исследовательском оборудовании, предоставили тот важный объективный материал, который является необходимым основанием любой теории и позволяет проследивать закономерности функционирования психики человека, а также обеспечивать эффективность его жизнедеятельности. Поэтому я всячески приветствую создание Центра в МГППУ, его надо поддерживать всеми силами. Я заканчиваю и хотел бы сказать, что я благодарю судьбу за то, что я увидел сегодня здесь, за то, что наше дело все-таки не пропало даром. Спасибо!

Академик РАО, доктор психологических наук, профессор **Н. Н. Нечаев:**

– Я очень рад, что тоже присутствую на этом заседании Бюро Отделения, и мне чрезвычайно близка та парадигма, в которой работают и Центр экспериментальной психологии МГППУ, и его руководитель. Однако напомню, что заседание, проходившее 2 февраля в Московском университете, было посвящено обсуждению проблем методологии, рассмотрение которых, с точки зрения членов Отделения, является делом очень важным. Сейчас мы обсуждаем уже проблемы экспериментальной психологии, и несколько настораживает факт отсутствия связки между этими двумя такими важными темами. Мне кажется, не хватает кумулятивного эффекта.

Я бы предложил подумать над тем, какими методологически различными путями можно подойти к организации экспериментальной работы. Маленький пример. В свое время, в 30-е годы прошлого века, был такой исследователь Джекобсон (хотя могу и не совсем верно воспроизвести его фамилию), который давал простое задание испытуемым: «Закройте глаза и представьте Эйфелеву башню». Визуально наблюдая за смещениями глаз, он обнаружил, что они идут вверх. Далее инструкция менялась: «Представьте, что вы видите стадо коров (например)», – и, как оказалось, направление смещений глаз менялось тоже – они двигались по горизонтали. Грубо говоря, если мне дают тончайшую аппаратуру, которая еще и сама по себе «фонит», то я ничего не получу большего, если останусь на прежней методологической платформе. Мне представляется, что очень часто аппаратурные возможности могут со временем привести к какому-то очень грустному итогу: «картинка» новая, а интерпретация та же самая. К сожалению, сохранение прежней методологической парадигмы XIX века преследует современную психологию. Закончу поговоркой: «Мертвый хватает живого».

Академик РАО Д. А. Фарбер:

– Об этом очень хорошо сказал великий чешский физиолог Прохазка: наука, по его мнению, должна исходить из фактов, факты *a priori*, а не *a posteriori*. Сначала факты, а потом методология. Надо накапливать новые факты. Определение методологии, а также рассмотрение ее видов, которые были представлены на факультете психологии (классическая, неклассическая и постнеклассическая методология), не дают мне четкого понимания того, что такое современная психология.

Академик РАО Н. Н. Нечаев:

– Я хочу сказать, что любой экспериментатор, фиксируя факты, является методологом, т.е. у него уже имеется позиция, и эта позиция специфическая. Обратимся к примеру В. А. Пономаренко: если я знаю, что есть утомление, если я знаю, что есть гипоксия, тогда мне очень нужна ЭЭГ, которая и покажет данные феномены. А если я о них и представления никакого не имею, то «картинка» будет нулевая. Будут данные, а ничего «разглядеть» в них не удастся, что еще в 80-е годы было показано Наумовым. Доктор медицинских наук, болевший душой за медицинское образование, с сожалением констатировал тот факт, что выпускники медицинских вузов не умеют «читать» кардиограмму, не слышат тонов сердца и т.д. Таким образом, аппаратура мало что может показать, если я не могу, не вижу, не понимаю... Таким образом, мне кажется, что в розданном проекте постановления Бюро следует поменять местами второй пункт с первым. Образовательная парадигма должна главенствовать. Если у меня будут выпускаться студенты, которые понимают, что без экспериментатики они ничего не могут сказать, тогда у меня как руководителя и будет формироваться потребность в экспериментальной аппаратуре. И каждый из них будет требовать, чтобы она была. Иначе я, как и Донцов, уйду в социальную психологию. Денег нет – буду исследовать коллектив. Очень бы хотелось, чтобы образовательная парадигма стала основной в развитии экспериментальной психологии. И второе, – может быть, это и не надо записывать, – звучали предложения о возможности коллективного использования технических и исследовательских возможностей данного Центра. Давайте разработаем под эгидой Отделения форму, при которой – пусть за небольшие деньги, за совместный взаимообмен – возможность работать в этом Центре появится и у сотрудников, исследователей из других институтов. Я бы подумал о возможности «раскрыть пошире двери».

Академик РАО, доктор психологических наук, профессор **А. И. Донцов:**

– Я очень доволен тем, что сегодня здесь побывал, потому что полностью разделяю пафос сегодняшнего выступления Владимира Александровича. И абсолютно не потому, что я не вижу возможности строить заключения на выводах, полученных в качественных исследованиях, а потому, что, с моей точки зрения, мы слишком долго болеем «болтологическим уклоном»

и методологической озабоченностью. Права Дебора Ароновна Фарбер: хорошо бы и на какие-то факты посмотреть, и как-то их проинтерпретировать. Это, конечно, очень важно, сложно, можно экспертов пригласить, но хорошо бы иметь хоть какие-то факты. Об этом можно говорить долго, много; можно с пафосом, можно спокойно. Я предпочитаю сейчас последнее. У меня конкретные предложения по поводу проекта постановления. Мне он кажется слишком грандиозным. Он не конкретен, потому что нельзя развивать всю экспериментальную психологию как таковую, особенно если учесть, что ни у Академии образования, ни у Отделения психологии и возрастной физиологии никаких особых материальных, организационных резервов нет, чтобы влиять на образовательную политику в высшей школе или чтобы влиять на саму экспериментальную работу в рамках Академии. Поэтому я предлагаю внести серьезные коррективы в формулировку проекта решения. Я предлагаю внести одно слово «развитие» – «экспериментальная психология *развития*», потому что иначе мы беремся за дело, сделать которое никогда не сможем. Мы должны конкретизировать формулировку. И здесь можно вспомнить ответ Владимира Александровича на вопрос М. С. Егоровой, заключавшийся в том, что экспериментальная психология – это всякая психология, которая основана на методе эксперимента. Учреждению, озабоченному проблематикой образования, развитием детей, следует подчеркнуть специфику своей деятельности. Нужно добавить лишь одно слово, пусть это будет или «образование», или «развитие» (может быть, это будет «когнитивное развитие»), или «детство» и т. п. Я категорически настаиваю на том, чтобы это слово добавить. Я полагаю, что конкретизация здесь должна выражать основную озабоченность Академии и теми ожиданиями и требованиями, которые предъявляются к Академии. Мы сейчас не решим проблему психологического образования в России.

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор **А. В. Карпов:**

– Уважаемые коллеги, может быть, я буду говорить несколько общие вещи, но мне кажется, что пафос сегодняшнего собрания соответствует именно принципиальным, общим вопросам. И Владимир Александрович в начале своего выступления указал на это. Ведь действительно речь сейчас идет о возрождении, ренессан-

се экспериментальной психологии как таковой, о том, чтобы экспериментальная психология в нашей стране не только возродилась, но и перешла на качественно новый уровень своего развития. И судя по тому графику, который был представлен в сообщении, мы не очень далеки от того, чтобы пройти, как принято выражаться, «точку невозврата» и уже отстать от исследований, от аппаратного оснащения, которое есть в других странах, необратимо. Поэтому речь сейчас идет о принципиальных вещах. Проблема стоит очень остро. И тот факт, что наша сессия посвящена этой принципиальнейшей проблеме, от решения которой зависит вообще формирование эмпирического базиса психологии как самостоятельной науки, очень и очень отраден. И тем более это хорошо, что наша сессия проходит в стенах такого отлично оснащенного Центра, с такой хорошей аппаратурой, – это заслуживает всяческого одобрения. Но, коллеги, мне кажется, что два вопроса оказываются лишь фоном нашей дискуссии, и я хотел бы обратить на них специальное внимание. Первый момент. Дело в том, что появление новых аппаратных комплексов, появление новой техники, часть из которой представлена в этом Центре, безусловно, создает очень хорошие новые перспективы для исследования тех классических проблем психологии, которые были постоянно в фокусе внимания экспериментальной психологии. Это прежде всего когнитивные процессы, когнитивные функции. Не случайно, что лидером здесь является когнитивная психология, лидером в первую очередь в плане внедрения новых экспериментальных схем. Это своеобразный локомотив экспериментальной психологии в целом. Здесь все очень и очень хорошо. Но, коллеги, мне хотелось бы, чтобы возрождение, ренессанс экспериментальной психологии в нашей стране, ознаменовалось не только переводом классических проблем на новый аппаратный уровень. Хотелось бы, чтобы и проблематика, т. е. уже не представление о методе, а представление о предмете экспериментальной психологии, тоже как-то модифицировалась. В сферу экспериментального изучения, в том числе и в этом Центре, постепенно включались бы не только те процессы, которые составляют содержание когнитивной подсистемы, но и более сложные, регулятивные процессы, деятельностные, которые гораздо сложнее изучать экспериментально, которые труднее поддаются экспериментальному контролю, но без которых мы не поймем ни активность, ни саморегуляцию, ни иные более сложные психические феномены (я имею в виду такие процессы, как целеобразование, принятие решений, планирование, прогнозирование, самоконтроль, метакогнитивные процессы). Эти процессы очень долго оказывались вне поля внимания экспериментаторов потому, что сам эксперимент, вопреки распространенным представлениям, не является активным методом. Эксперимент активен со стороны экспериментатора, со стороны испытуемого он пассивен. Он загоняет испытуемого в «прокрустово ложе» экспериментальной схемы, «обрубая» самостоятельную активность испытуемого. Мне кажется (и здесь я перехожу ко второму, заключительному моменту), что компьютерная техника, новейшие средства компьютерной симуляции создают принципиально новые возможности моделирования не частных, парциальных когнитивных процессов, а целостных, деятельностных контуров, – то, что я обозначаю как «принцип ДОМ» (Деятельностно Опосредованное Моделирование). Мы не можем изучать регулятивные, деятельностные процессы, не приступив к моделированию самой деятельности, регулятивной базы. Мне кажется, что те возможности, которые открывает компьютерная симуляция, компьютерная техника, пока слабо востребованы психологическим экспериментом. Мы плохо знаем эти возможности. И может быть, это высокопарно прозвучит, но сейчас, наверное, одной из важнейших задач является синтез новейших технологий эксперимента и новейших достижений компьютерной техники. В этом

плане сам эксперимент может перейти на качественно новый уровень. И здесь и экспериментальный контроль, и средства моделирования, и средства создания ситуаций, и ситуационный анализ вообще в широком смысле слова будут актуализированы. Здесь, конечно, необходима кропотливая работа. Однако деятельность такого Центра – это первый шаг по этому пути. Владимир Александрович обозначил три направления использования компьютерной техники в психологических исследованиях, но, мне кажется, необходимо добавить еще и четвертое направление – создание целостных деятельностных контуров, позволяющих воссоздать более сложные, нежели когнитивные, процессы, о которых я говорил ранее. Иначе эту аналитичность, пассивность, искусственность эксперимента в его классическом лабораторном варианте мы не преодолеем. А если не преодолеем, то не приблизимся в эксперименте к моделированию деятельности, жизни, общения хотя бы в тех вариантах, которые хоть сколько-нибудь приближены к экологически валидным условиям.

Академик РАО, доктор психологических наук, профессор **В. В. Рубцов:**

– Уважаемый Анатолий Алексеевич, уважаемые коллеги, несколько слов хочу сказать вот о чем. Когда МГППУ выиграл инновационный проект, то наша главная задача состояла в укреплении материально-технической базы вуза. Думая об этом, мы понимали прекрасно, что возвращение в систему высшего профессионального образования наиболее актуальных методов работы с практикой стало для нас являться приоритетным направлением. Одним из таких методов и стали для нас методы экспериментальной психологии. Мы пригласили Владимира Александровича, рассказали

ему о наших возможностях, а он нам «выкатил» список из особо дорогого оборудования. Он не стеснялся, да и мы тоже, потому что понимали, что, создавая современную базу, мы сможем сделать важные шаги в деле улучшения образования и обучения наших студентов, которые выходят потом в образовательную практику, владея или не владея этими методами. И мы эту задачу, я считаю, решили. Что мы сделали? В нашей системе обучения студентов-психологов, и не только психологов, есть модули, через которые проходят, почти обязательно или факультативно, все наши студенты. Это означает, что у них в голове «откладывается» современная система эксперимента, экспериментального исследования, и это факт. И следовательно, мы можем говорить о повышении качества образования в нашем вузе. Это первое. Пока мы говорим о первом этапе, я хочу добавить, что с этой точки зрения Центр первоклассный и сотрудники, которые здесь работают под руководством Владимира Александровича, сумели добиться того, что он стал привлекательным и для наших студентов, магистрантов. Мы начнем готовить программу магистратуры, которая будет реализовываться на базе Центра. Второе. Мы прекрасно понимаем, что сам по себе экспериментальный метод – это только «слово, сказанное вообще». Как говорил великий наш учитель Карл Маркс, «задача возникает вместе со средствами ее решения». Вот средства решения, предположим, мы даем, а дальше очень интересные явления возникают. Если мы начинаем при-

менять этот метод к определенным системам деятельности (здесь я совершенно согласен с выступлением А. В. Карпова) или к ситуациям, в которых он может быть использован, тогда мы говорим: если у нас есть этот метод, значит, мы его будем применять, а если нет, то и применять нечего. А дальше возникает другая система анализа и другая система моделирования деятельности. Это совершенно другая методология и теория моделирования деятельности – то, что В. В. Давыдов или даже П. Я. Гальперин называли логикой предметной или логикой содержательной деятельности, которая уже потом может изучаться методами экспериментального исследования. С одной стороны, если мы не обучили нашего студента навыку изучения и анализа деятельности, – любой, в любых условиях, куда бы он ни попал, – то зачем нужен такой специалист. Но если мы его учим методам анализа деятельности и не даем ему инструментов, то тогда и специалиста не будет. Это сложная задача. Я понимаю, когда Н. Н. Нечаев говорит, что и при наличии методов можно так ничего и не сделать, но, с другой стороны, можно, не имея методов, тоже ничего не сделать. Очень тонкая и сложная задача. В этом состоит вторая задача Центра.

Вы сегодня видели разных людей, которые оценивали возможности Центра на предмет того, чем его исследования могут помочь при решении проблем города. А какие проблемы у города есть? Собянин пришел, а мы все равно никак не можем проехать. Есть транспортная проблема. А это деятельность, между прочим, и очень интересная. Как деятельность ее мало кто изучал. Во Франции изучают эту проблему как деятельность. И вот на эти исследования, например, «Рено» выделяет большие деньги и совершенствует – что? – транспортную среду. Потому что делать можно по-разному. Можно улучшать, вкладывая в оператора, а можно улучшать условия жизни, вкладывая в среду. Иногда это более эффективно, нежели вкладывать в оператора, потому что если среда соответствует определенному уровню комфорта, то, глядишь, и оператора подтянем. Так вот, вторая задача этого Центра – внедрение в практику, в практику решения важных социальных проблем, которые имеет наш город. Это первая проблема. Вторая проблема – это проблема рисков. И какие это риски? Например, в нашем вузе идет подготовка и таких специалистов, которые в дальнейшем могут работать на «face-control», скажем, в тех же аэропортах. Мы можем рассмотреть две различные ситуации обучения: работа с лицом, мимикой и жестами изображенного на рисунках человека – это одна ситуация, и совершенно иная ситуация возникает, когда мы даем человеку возможность моделировать «лицо» как лик, с его характером, настроением, обучаем умению выбрать из толпы того, кто несет в себе риск для безопасности и жизни окружающих. Здесь соединение этих методов с методами информационного моделирования может создать совершенно безупречную ситуацию обучения. Но... мы пока не знаем, как это делать. Когда я приезжаю в школу в Израиле и мне показывают, как построена система безопасности, я готов плакать. Почему? Система безопасности не построена на огромном количестве огнетушителей и заборов (не получится из этого безопасность). Это другое: это состояние сознания, это напряжение воли, это отношение к другому человеку. Там различают лица, которые выражают либо опасность, либо безопасность. Эти знания и привычка вошли в их жизнь, но и сами жители реагируют на такое отношение культурно.

Изучение этих уже деятельностных особенностей моделирования – вторая задача, которая стоит перед Центром. С огромной научной базой, с огромным образовательным потенциалом университета появляется реальная возможность открыть вход в практику. Среди тех, кто сегодня знакомился с работой Центра, присутствовал первый заместитель

руководителя Департамента образования города Москвы, который и высказал инициативу о ведении переговоров с руководством города о возможных заказах нашему Центру.

Возвращаясь к выступлению Н. Н. Нечаева, еще раз хочу сказать: я вас очень хорошо понимаю, ведь я и сам из этой школы. Для меня всегда содержательно-генетический метод был главным. Но я вернусь к тому, с чего начал: я твердо знаю, если мой магистрант не получил этот модуль, то, значит, он не получил чего-то важного. И он получит этот модуль.

В заключительном слове В. А. Барабанщиков поблагодарил всех участников заседания за позитивное отношение к Центру и ценные рекомендации и выразил надежду на продолжение продуктивного сотрудничества. Завершили заседание А. А. Деркач и В. В. Рубцов.

Академик РАО А. А. Деркач:

– Перед рассмотрением постановления Бюро я хотел бы от вашего имени поблагодарить академика В. В. Рубцова и члена-корреспондента В. А. Барабанщикова за корректность и хорошую организацию проведения этого заседания. Это новаторское во всех отношениях заседание. Оно сопряжено с деятельностью всего коллектива Центра и университета. Я хотел бы поблагодарить весь коллектив

Цentra. Посмотрите, как нас сегодня встречают, как старались показать весь накопленный багаж, рассказать о дальнейших перспективах экспериментальной работы. Хочу сказать, что душа ликует от того, что мы видим значимость психологии в жизни. То и дело слышишь однообразные фразы, что «не оказывают помощи», «не решают вопросы»... Решают! Я вношу предложение и хочу, чтобы члены Бюро меня поддержали: вынести обсуждаемые здесь вопросы на Президиум Российской академии образования, а также провести выездное заседание с участием Министерства образования и науки РФ, а возможно, других ведомств в октябре или ноябре этого года. Если нет возражений, предлагаю вставить этот пункт в постановление. Хотелось бы добавить, что академики Никандров Н. Д. и Фельдштейн Д. И. приносят свои глубочайшие извинения за то, что не смогли присутствовать на этом интереснейшем заседании. Но я хочу сказать, что Давид Иосифович принимал очень активное участие в организации этого заседания.

Я также хотел бы поблагодарить членов Отделения за активное участие в рассмотрении и обсуждении всех заявленных на повестке вопросов. Заседание безусловно удалось. Относительно поправок, внесенных академиками А. И. Донцовым, Н. Н. Нечаевым, В. А. Пономаренко, Д. А. Фарбер и другими, хочу сказать, что мы их обязательно учтем и к следующему заседанию Бюро Отделения покажем усовершенствованный вариант постановления. Считаю чрезвычайно важной и необходимой публикацию в журнале «Мир психологии» материалов нашего сегодняшнего заседания. Нет возражений? Прошу проголосовать за данное постановление. Принято единогласно.

Академик РАО В. В. Рубцов:

– Совсем последнее слово. Я также хотел бы обратить внимание Владимира Александровича, что еще два журнала – «Теоретическая и экспериментальная психология» и «Экспериментальная психология» – ждут материалов по итогам сегодняшнего заседания.

Заслушав и обсудив сообщение члена-корреспондента РАО, доктора психологических наук, профессора, заведующего Лабораторией познавательных процессов и математической психологии Института психологии Российской академии наук, директора Центра экспериментальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета Барабанщикова Владимира Александровича «Перспективы развития экспериментальной психологии», Бюро Отделения психологии и возрастной физиологии РАО **постановило:**

- Сообщение члена-корреспондента РАО, доктора психологических наук, профессора, заведующего Лабораторией познавательных процессов и математической психологии Института психологии Российской академии наук, директора Центра экспериментальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета Барабанщикова Владимира Александровича «Перспективы развития экспериментальной психологии» принять к сведению.

- Одобрить опыт работы и результаты научно-методической, научно-организационной и исследовательской деятельности Центра экспериментальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

- Рекомендовать разработать в рамках тематического плана фундаментальных исследований РАО комплексную программу научно-методического, кадрового и информационного обеспечения развития экспериментальной психологии в РФ (в рамках уставных задач РАО), в том числе программу подготовки и повышения квалификации психологов по проблемам экспериментальной психологии.

- Подготовить и опубликовать коллективный труд, отражающий наивысшие достижения российской науки в области экспериментальной психологии.

- Организовать и провести всероссийскую конференцию, посвященную современным технологиям и методам экспериментально-психологических исследований.

PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY (Field meeting of the Bureau of the Department of Psychology and Developmental Physiology of Russian Academy of Education)

ANANYEVA K.I., Institute of Psychology RAS, Center of Experimental Psychology MСUPE, Moscow

BARABANSCHIKOV V.A., Institute of Psychology RAS, Center of Experimental Psychology MСUPE, Moscow

DEMIDOV A.A., Center of Experimental Psychology MСUPE, Moscow

KHARITONOV A.N., Institute of Psychology RAS, Center of Experimental Psychology MСUPE, Moscow